

Полина Поберезкина

Пушкин, Гумилев и Рафаэль в эпоху «позднего Предхиросимья»

«Свободный стих» («В третьем тысячелетии...», 1973) Давида Самойлова был предметом пристального рассмотрения¹, однако сложное переплетение временных и культурных пластов в этом произведении оставляет открытым простор для интерпретаций. Хотя в центре исследовательского внимания закономерно оказался пушкинский слой, отмечены и другие подтексты – в частности, «брабантское кружево», отсылающее к гумилевскому «На полярных морях и на южных...» (1909): «само цитирование едва ли не самых известных строк Гумилева предполагало актуализацию в читательском сознании личности и судьбы поэта, расстрелянного большевиками (не важно, за мнимый или истинный бунт) и фактически запрещенного в СССР. Так вновь (и по-новому) звучит мотив противостояния поэта и власти, противостояния, ведущего к смерти поэта»². Более того, вследствие запрета на упоминание любая цитата из Гумилева функционировала как тайный пароль, адресуя квалифицированного читателя не только к тексту-источнику, но ко всему творчеству³. В «Свободном стихе» реминисценция, возможно, мотивирована и образом «старого эфиопа»⁴ (в русской поэтической географии Африка прочно связана с двумя именами – Пушкина и Гумилева), а фантастический сюжет, на наш взгляд, обнаруживает сходство с другим культовым произведением казненного поэта: «Заблудившимся трамваем» (1919).

---

¹ Немзер А. Фантастическое литературоведение Давида Самойлова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту, 2005. С. 237–258. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/539193.html>; Солошенко-Заднепровская Н.К. Анализ одного стихотворения: (Д. Самойлов. Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)) // Мова і культура. Київ, 2011. Вип. 14, т. I (147). С. 293–298. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mik_2011_14_1_52; Суханова И.А. О парциальной и миметической интермедальности // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 2. С. 119–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-partzialnoy-i-mimeticheskoy-intermedialnosti.pdf>.

² Немзер А. Указ. соч. С. 244.

³ «Его имя стало существовать в литературных текстах в режиме загадки. Читатель распознавал его присутствие, шла ли речь о попытке цельного, хоть и приблизительного “стилистического портрета” его поэтического мира <...> или о его проникновении на страницы периодики под псевдонимами “акмеист” и “акменсты” <...>, или о неподписанных эпиграфах, <...> или об анонимных цитатах по разным поводам» (Тименчик Р.Д. Читатели Гумилева // Тименчик Р.Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 364–366).

⁴ Что не отменяет возможных параллелей со стихотворением Цветаевой «Петр и Пушкин» (1931) – см.: Немзер А. Указ. соч. С. 248–249.

Лирический герой Гумилева, используя современное транспортное средство, отправляется в путешествие во времени, в котором встречает своего палача, переживает собственную смерть, идет на прием к императрице (умершей к моменту написания стихотворения), неявно соотносит себя с персонажем «Капитанской дочки» Пушкина и в конце видит Медного Всадника и собирается «отслужить молебен» в «верной твердыне православья». При этом маршрут «Заблудившегося трамвая», охватывающий разные города, страны и континенты (перечислены Нил, Сена, Бейрут, Индия Духа), пролегает в топографии Петербурга. Стихотворение Самойлова проходит в другой последовательности те же точки: поездка в автомобиле будущего в прошлое, аудиенция у царя Петра I, «Капитанская дочка» и «Медный всадник», встреча Пушкина с Дантесом и «евангельские сюжеты» в конце. Рассказчик и его современники, объединенные в финале коллективным «мы», тоже пережили массовую смерть, поскольку «Предхиросимье»=предсмерть⁵. В «Свободном стихе» сходный с гумилевским сюжет разворачивается в иной тональности: ирония («Небольшие сдвиги во времени – / Лет на сто или на двести») взамен мистики («Мчался он бурей темной, крылатой, / Он заблудился в бездне времен...») и третье лицо вместо первого, причем фантастическая реальность изначально представлена как литературный вымысел, хотя и в «объективном» хроникальном жанре повести. Петербург подразумевается (названы Хиросима, Голландия или Брабант, Эфиопия, Италия, Тоскана, Флоренция), но демиургом у Самойлова становится не Петр, а Пушкин – только к нему относятся слова, обозначающие творчество: «Вот мое последнее творение», «Пишешь недурно», в журнальном варианте дважды повторялось слово «стихотворение»⁶ (этой способности лишен автор повести будущего, который не создаст или напишет – «позволит себе для спрессовки сюжета»). Петр I и Ганнибал говорят и жестикулируют, не сходя с места (первый сидя, второй стоя), Дантесу же отведена роль бессловесного статиста. Пушкин единственный передвигается в пространстве – «поедет во дворец» (вместе с Савельичем, но ведь он – плод воображения поэта, а не историческое лицо), «выскочит из кабинета / И легко пролетит / По паркетам смежного зала».

---

⁵ В апреле 1946 года, во вступлении к ранней и подражательной «голубым туманам Блока» поэме, Самойлов цитировал хрестоматийные строки «Возмездия» («Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век! <...> Двадцатый век... Еще бездомней, / Еще страшнее жизни мгла»):

И нас трясет в чаду болезней,
Не размыкая тяжких век,
Век Девятнадцатый, железный,
И нынешний – а тумный век.

(Самойлов Д. Из ранней поэмы. Вступ. и публ. А. Давыдова // Дети Ра. 2010. № 6 (68). URL: http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=1854).

⁶ Самойлов Д. Свободный стих («В пятом тысячелетье...») // Дружба народов. 1974. № 6. С. 10.

Так же как в «Заблудившемся трамвае», читательское восприятие «Свободного стиха» зависит от опознания культурных подтекстов и временных слоев. По мнению Н.К. Солошенко-Заднепровской, «“настоящее” время представлено в произведении упоминанием “серебристого автомобиля” с шофером, “негатива постаревшего Пушкина”, напитка, который Петр предлагает поэту – “виски с содовой”, а также финалом, в котором впечатление будущего читателя сопоставляется с тем, как наши современники рассматривают “евангельские сюжеты / Мастеров Возрождения” <...> Время “прошлое” в стихотворении состоит из двух пластов: времени петровского и пушкинского»⁷. Подобная классификация анахронизмов не отражает, на наш взгляд, точку зрения исторического читателя. Более точна И.А. Суханова: «персонажами *позднего Предхиросимья* (напомним: бомбардировка Хиросимы имела место в 1945 году) оказываются *Пушкин* (как известно, 1799–1837), *Петр Великий* и *Ганнибал* (XVIII век), упоминаются реалии XX века: *автомобиль, виски с содовой*. <...> Временные сдвиги заключаются и в том, что Ганнибал – воспитанник Петра – хотя действительно дожил до старости, но в петровские времена не был *седым арапом* и *старым эфиопом*. Во времена крепостного права не было шоферов, а литературный персонаж *Савельич* действует в произведении, описывающем екатерининскую эпоху и пугачевский бунт – 70-е гг. XVIII века»⁸. В СССР 1970-х не было серебристых автомобилей (на таких машинах ездил Джеймс Бонд в запрещенных фильмах), а сам цвет ассоциировался с самолетами⁹. «Серебристый автомобиль» – из мира фантастики или будущего; заметим, что гумилевский трамвай тоже светящийся: «В воздухе огненную дорожку / Он оставлял и при свете дня». «Виски с содовой» относится к более близкому прошлому, чем пушкинское: коктейль появился в конце XIX и стал популярным на рубеже XX века (например, он упомянут в романе Джека Лондона «Морской волк», 1904). Наконец, фотография изобретена еще при жизни Пушкина, а термины «позитив» и «негатив» вошли в словарь вскоре после его гибели. Прошлое в «Свободном стихе» вместило несколько исторических пластов: Возрождение, петровский, пугачевский (в черновике «переписка поэта / С Эмилианом Пугачевым»¹⁰), пушкинский и послепушкинское «Предхиросимье». Будущее, которому принадлежат автор и читатели

⁷ Солошенко-Заднепровская Н.К. Указ. соч. С. 294–295.

⁸ Суханова И.А. Указ. соч. С. 120.

⁹ Достаточно вспомнить популярную песню С. Фогельсона и В. Соловьева-Седого «Над милым порогом / Качну серебряным тебе крылом!» из кинофильма «Небесный тихоход», снятого в 1945 и восстановленного с купюрами в 1970, или документальный фильм «Серебряные крылья» (1973), посвященный 50-летию гражданской авиации. Остается открытым вопрос, мог ли видеть Самойлов серебристые иномарки за границей.

¹⁰ Самойлов Д.С. Стихотворения / Вступ. ст. А.С. Немзера; сост. В.И. Тумаркин; примеч. А.С. Немзера и В.И. Тумаркина. СПб., 2006. С. 599.

повести, измеряется не веками, а тысячелетиями: в разных вариантах третьим, пятым и тридцатым.

При явном превалировании грамматических форм будущего времени стихотворение движется из будущего в неоднородное прошлое, затем возвращается в будущее, и лишь в финальном экфрасисе появляется настоящее. Н.К. Солошенко-Заднепровская утверждает, что «найти источник одновременного изображения на одной картине “итальянских окон”, “тосканских роцц” и “мадонн” довольно затруднительно»¹¹. И.А. Суханова приводит целый список шедевров Возрождения, но полагает, что в «Свободном стихе» отразилось не конкретное произведение, а «принцип построения ренессансной картины»: «акцент именно на *итальянских* окнах, *тосканских* роццах и *флорентинском* плаще отсылает к традиции художников Ренессанса помещать персонажей Священной истории в современную художникам реальность. Однако связь с итальянской ренессансной традицией изображения Мадонны с Младенцем и Святого Семейства имеется только в заключительной части стихотворения, в основной же части связь несколько иная и по характеру, и по уподоблению другой особенности ренессансных композиций. Речь идет не только о перенесении персонажей далекого прошлого в современность и в родное отечество художника, но о помещении в один хронотоп персонажей разных эпох. В контексте стихотворения такое смешение времен оказывается также связанным с итальянской ренессансной традицией»¹².

По нашему мнению, в стихотворении Самойлова описана картина, отразившаяся в поэзии Пушкина, – шедевр Рафаэля «Святое семейство» (1506–1507), известный также под названием «Мадонна с безбородым Иосифом»:

Предполагают, что это одна из тех двух «мадонн», которые, по словам Вазари, Рафаэль написал во Флоренции для Таддео Таддеи. Сменив немало владельцев, картина в 1772 г. была куплена для Эрмитажа у наследников знаменитого парижского коллекционера П. Кроза. Существовало старое предание о том, что картина еще до того, как она попала в Эрмитаж, была грубо записана каким-то неумелым художником и лишь позднее, освобожденная от этих записей, предстала в своем первоначальном виде. А.С. Пушкин знал это предание, посвящая эрмитажной «Мадонне» свое стихотворение «Возрождение» (1819).¹³

¹¹ Солошенко-Заднепровская Н.К. Указ. соч. С. 295.

¹² Суханова И.А. Указ. соч. С. 121.

¹³ Гращенков В.Н. Рафаэль. М., 1971. С. 197.

В книге «Пушкин об искусстве» рядом с текстом «Возрождения» помещена репродукция и дано примечание:

По мнению М.Я. Варшавской, на Пушкина произвел впечатление рассказ о том, как была снята позднейшая запись с картины Рафаэля (1483–1520) «Святое семейство с безбородым Иосифом», одной из главных сокровищ Эрмитажа. Восстановление первоначальной живописи Рафаэля было произведено в бытность картины во Франции во владении Барруа в конце XVII или начале XVIII века. Сообщение об этом было напечатано в описании эрмитажного собрания, вышедшем в свет в 1805 году <...>. Этот же рассказ припомнился Пушкину в трагедии «Моцарт и Сальери» (1830):

Мне не смешно, когда пачкун негодный

Мне пачкает мадонну Рафаэля.¹⁴

Здесь следует сделать существенную оговорку: мы не располагаем сведениями, учитывал ли Самойлов данную трактовку при создании «Свободного стиха». Если да, современники рассказчика рассматривают картину, о которой писал Пушкин, а все перепутавшего автора повести о нем можно соотнести с «художником-варваром», «бессмысленно чертящим» «свой рисунок беззаконный». Если нет, посетители Нового Эрмитажа в любом случае оказываются рядом с Зимним дворцом, где бывал Пушкин и где происходит действие повести.

Картина описана в грамматических формах настоящего времени: «открываются», «придерживает», «стареющей», «вечереющие». Если поэт и художник, подобно всем людям, стареют и умирают (Пушкин и Рафаэль прожили одинаково короткий земной срок – 37 лет), то творения гения делятся и остаются современными спустя столетия. В этом отношении «негатив постаревшего Пушкина» противостоит и вечно «стареющему» на холсте святому Иосифу, и бессмертным «стихам, начинающимся словами “На берегу пустынных волн...”» (ср.: «Пока в России Пушкин длится, / Метелям не задуть свечу»). Оказиональное словосочетание «позднее Предхиросимье» пародирует искусствоведческую периодизацию: Предвозрождение, раннее, высокое и позднее Возрождение. В финале «Свободного стиха» историческое время, сколь бы сложносоставным оно ни было, сменяется мифологическим и от предсмертия («предхиросимья») ведет к возрождению. В условиях воинствующего атеизма религиозная тематика перемещается в музейное пространство, но

---

¹⁴ Пушкин об искусстве / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.М. Кока. М., 1962. С. 86.

«евангельские сюжеты» по-прежнему организуют христианский год как «вечное возвращение» Рождества, Страстей и Воскресения¹⁵.

Само заглавие «Свободный стих» полисеманлично. В.С. Баевский отмечал, что «для Самойлова предельная свобода метрической организации (а среди разных типов верлибра Самойлов разрабатывает самый свободный от ограничений) соединяется с предельной раскованностью мысли»¹⁶. Помимо буквального описания формы, в заглавии звучит тема свободы поэта и поэзии: самоеловский Пушкин «выскочит из кабинета» царя «и легко пролетит» мимо Дантеса. Гумилевский герой признавался в конце смертельного путешествия: «Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет», – а прощальные слова Блока «Пушкин! *Тайную свободу*¹⁷ / Пели мы вослед тебе!» («Пушкинскому Дому», 1921) стали девизом едва ли не всего XX века. Пушкин описал «пробуждение поэзии» в «Осени» (1833): «Минута – и стихи свободно потекут»¹⁸. В эпилоге «Поэмы без Героя» Ахматовой, начиная с редакции 1959 года, появился эпитет «свободный»: «Все, что сказано в первой части / О любви, измене и страсти, / Сбросил с крыльев свободный стих». В произведении Самойлова поэтическое слово свободно не только от рамок силлабо-тоники, но и от власти исторического времени.

---

¹⁵ См.: Немзер А. Указ. соч. С. 251, 258.

¹⁶ Баевский В.С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986. С. 203.

¹⁷ «Свободу лишь учася славить, / Стихами жертвуя лишь ей, / Я не рожден царей забавить / Стыдливой музою моей. <...> Любовь и тайная свобода / Внушали сердцу гимн простой» (Пушкин, «К Н.Я. Плюсковой», 1818).

¹⁸ Ср. пушкинско-ахматовский («И стихов моих белая стая», 1915) центон у Самойлова в 1970 году: «Теперь уже знаю: / Стихи потекут. / Их целую стаю / Моей нарекут».